

Эйтонский отшельник

Автор:

[Эллис Питерс](#)

Эйтонский отшельник

Эллис Питерс

Хроники брата Кадфаэля #14 Шедевры исторического детектива (Рипол)

Юный лорд Итона вверен попечению Шрусберийского аббатства. Такова была воля его покойного отца. Но у бабушки мальчика свои виды на внука: женив его, она может расширить фамильные земли. Старая леди обретает поддержку святого отшельника, поселившегося в Эйтонском лесу. К чему это приведет?

Эллис Питерс

Эйтонский отшельник

ELLIS PETERS

The Hermit of Eyton Forest

© Storyside. 2022

© Степанов С. А., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

Видите того пожилого монаха
в подоткнутой рясе? Сейчас утро, и брат Кадфаэль
возится в своем садике:
собирает лекарственные травы,
ухаживает за кустами роз.
Вряд ли кому придет в голову,
что перед ним – бывший участник
крестовых походов, повидавший полмира
бравый вояка и покоритель женских сердец.
Однако брату Кадфаэлю приходится зачастую
выступать не только в роли врачевателя
человеческих душ и тел, но и в роли
весьма удачливого, снискавшего славу детектива,
ведь тревоги мирской жизни не обходят стороной
тихую бенедиктинскую обитель.
Не забудем, что действие «Хроник брата Кадфаэля»
происходит в Англии XII века,
где бушует пожар междоусобной войны.
Императрица Матильда и король Стефан
не могут поделить трон, а в подобной неразберихе
преступление – не такая уж редкая вещь.
Так что не станем обманываться
мирной тишиной этого утра.
В любую секунду все может измениться...

Глава первая

Восемнадцатого октября 1142 года после изнурительной болезни скончался Ричард Людел, наследственный владетель Итонского манора. Недуг его был вызван тяжелыми ранами, полученными в битве при Линкольне, где он сражался на стороне короля Стефана.

До Хью Берингара, в замок Шрусбери, эти новости дошли своим чередом, поскольку Итон являлся одним из тех владений, которое среди многих других маноров графства было изъято у Вильяма Фицалана вследствие того, что этот могущественный аристократ в вооруженной борьбе за королевский трон принял сторону императрицы, поставил Шрусбери под знамена Матильды и затем, после осады королем Стефаном и падения города, бежал. Эти изъятые в пользу короны обширные земли перешли в ленное владение к шерифу, однако прежних вассалов Фицалана никто не тронул, поскольку выяснилось, что в большинстве своем они смирились с исходом Линкольнской битвы и присягнули на верность королю. Людел же совершил нечто большее, нежели просто объявил о своей лояльности, он доказал свою верность в битве при Линкольне и теперь заплатил высокую цену за свою преданность, – ведь он умер, когда ему не было еще и тридцати пяти лет.

Хью Берингар принял это известие с чувством легкой печали, естественным для человека, который плохо знал покойного и чьи обязанности, по-видимому, нисколько не осложнялись в связи с этой смертью. У покойного имелся законный наследник, причем единственный, так что ничто не могло помешать тому вступить в права наследства и соответственно не было никакой необходимости вмешиваться – пусть все идет своим чередом. Люделы твердо стояли на стороне короля Стефана и в ближайшие годы вряд ли изменят ему, даже несмотря на то обстоятельство, что новый тамошний священник, как припомнил Хью, лет десять назад выступал против короля. Юный наследник Людела находился на воспитании в Шрусберийском аббатстве, куда его после смерти матери определил сам отец. По слухам, Людел поступил так не столько ради того, чтобы сын выучился грамоте, сколько чтобы вырвать мальчика из рук его властолюбивой бабки.

Хью пришел к выводу, что именно аббатству, а не замку надлежит исполнить незавидную миссию, заключавшуюся в том, чтобы сообщить юному Ричарду о смерти его отца. Поскольку в Итоне есть свой храм и свой священник, похоронная церемония будет происходить не в аббатстве, но о столь важном деле, как опека наследника, забывать не следует.

Хью подумал, что ему следует позаботиться о толковом управляющем, который достойно содержал бы имущество мальчика, пока тот не достигнет возраста, когда сможет заниматься своими делами самостоятельно.

– Ты уже сказал об этом отцу аббату? – спросил он верхового, который прибыл к нему с известиями.

– Нет, милорд, я сразу пришел к вам.

– Не приказала ли тебе леди Дионисия передать что-либо наследнику лично?

– Нет, милорд. Видимо, говорить с ним надлежит его попечителям.

– Наверное, ты прав, – согласился Хью. – Я пойду и сам переговорю с аббатом Радульфусом. Ему лучше известно, как поступают в таких случаях. О порядке наследования леди Дионисия может не беспокоиться, титул мальчика находится под надежной охраной.

В эти смутные времена, когда шла ожесточенная борьба за королевский трон и когда держащие нос по ветру лорды то и дело переходили из-под одних знамен под другие в зависимости от того, куда качнулся маятник удачи в этой затяжной и бессмысленной войне, Хью Берингару оставалось только радоваться, что под его началом оказалось графство, которое всего один раз переходило из рук в руки и теперь уgomонилось, не бросая более вызова короне короля Стефана и не отвечая на смуту, проникавшую извне, будь то угроза, исходившая от войск императрицы, непредсказуемые выходы неуемных валлийцев из Повиса на западных границах, либо хитроумные притязания графа Честерского на севере. Вот уже несколько лет Хью Берингару удавалось сохранять неустойчивое равновесие в отношениях со своими опасными соседями, поэтому, что бы ни препятствовало ребенку вступить в права наследования, было бы просто глупо нарушать равновесие попыткой передать Итон другому владельцу. Незачем было восстанавливать против себя семью, которая признала королевскую

власть, и незачем было заставлять этих людей пожалеть о том, что их бывший сеньор сбежал во Францию. Недавно прошел слух, что Вильям Фицалан вновь объявился в Англии и присоединился к императрице в Оксфорде. А ведь одного его присутствия в стране, пусть и далеко отсюда, было вполне достаточно, чтобы поколебать нынешнюю верность королю его прежних вассалов. Впрочем, к этому следовало быть готовым и в случае чего встретить опасность во всеоружии. Передача же Итона другому владельцу без всякой на то необходимости могла бы всколыхнуть благоразумно дремлющую до поры до времени преданность вассалов своему прежнему сюзерену. Нет уж, пусть сын Людела получит все, что причитается ему по праву. Однако и за управляющим присмотреть не мешает, не мешает удостовериться и в его приверженности воле своего покойного лорда, и в его добросовестном рдении о благе нового хозяина.

Погожим утром, когда предрассветный туман уже поднялся, Хью верхом ехал по городу, – сначала немного вверх по холму в сторону Хай-Кросс, затем круто вниз по склону вдоль Вэйла к восточным воротам, затем через каменный мост в Форгейт, где на фоне голубого неба маячила увенчанная крестом колокольня аббатской церкви. Под пролетами моста быстро, но спокойно Северн стремил свои воды, в эту пору еще по-летнему ласковые; вокруг двух поросших травой небольших островков была видна узкая бурая полоса, что исчезнет из виду после первого же сильного ливня, который принесет с собой бурные воды из Уэльса. По левую руку, где перед Хью открывался тракт, к самой обочине от реки подступали деревья и заросли кустарника, а дальше по тракту уже тянулись домики, сарайчики и сады Форгейта. По правую руку лежал большой мельничный пруд с травянистыми берегами; слабая дымка задержавшегося тумана еще серебрила его ровную гладь. За прудом была видна стена, опоясывающая владения аббатства, и привратницкая с воротами.

Хью спешил, вышел привратник и принял у Хью повод. Хью Берингара знали тут ничуть не хуже любого из тех, кто носил одеяние бенедиктинца или просто жил в аббатстве.

– Милорд, если вам нужен брат Кадфаэль, – услужливо сказал привратник, – то он ушел в приют Святого Жилия, чтобы пополнить тамошние запасы лечебных снадобий. Он ушел около часу назад, а вернется, наверное, после капитула. Если вы намерены подождать его, то не волнуйтесь, он не задержится.

– Сперва у меня есть дело к аббату, – мягко возразил Хью, прекрасно понимая, что его посещения в аббатстве неизменно приписывают желанию повидаться со старым другом. – Впрочем, я, разумеется, все потом расскажу и Кадфаэлю, если он, конечно, не узнает новостей прежде того. Новости он чует, как гончий пес, не то что все мы.

– Такая уж у него служба, он всегда впереди всех нас, – добродушно заметил привратник. – Ума не приложу, как это бедным грешникам из Святого Жилия удастся узнать столько вестей о том, что творится на белом свете. Ведь брат Кадфаэль редко возвращается оттуда без целого вороха таких удивительных известий, что по эту сторону от Форгейта всякий почешет в затылке. А отец аббат отдыхает сейчас у себя в саду. Он отправился туда около часу назад, чтобы выслушать доклад ризничего, но совсем недавно я видел, как брат Бенедикт выходил из сада. – Своей смуглой жилистой рукой привратник потрепал коня по шее, причем весьма почтительно, поскольку ширококостный серый жеребец шерифа был столь же строптив, сколь силен был его хозяин, и высокомерно смотрел на людей сверху вниз, за исключением разве что самого шерифа, да и то, скорее, признавал в нем существо не более чем равное себе. – Нет ли каких новостей из Оксфорда?

Монахов, не покидавших стен святой обители, живо занимал ход осады. Ведь с падением Оксфорда и пленением императрицы наконец-то будет положен конец смуте, раздирающей страну на части.

– Ничего нового с тех самых пор, как король с войском переправился через реку и осадил город. Быть может, скоро что-нибудь и узнаем, если хоть кто-то успел вырваться из окружения и проследует через наши места. Однако, насколько мне известно, гарнизон принял все меры, чтобы как следует запастись провизией, и я уверен, что они растянут свои запасы на много недель.

Осада – это не что иное, как медленное удушение, а король Стефан никогда не отличался особым терпением и усидчивостью. Чего доброго, ему наскучит дожидаться, пока враги оголодают, и он снимет осаду, предпочтя заняться поисками более быстрого способа добиться успеха. Так уже бывало и вполне могло случиться вновь.

Отбросив мысли о переменчивом нраве своего высокородного сеньора, Хью направился через широкий монастырский двор прямо к аббатским покоем, намереваясь оторвать отца Радульфуса от любовно лелеемых им роз, которые,

впрочем, уже подвинули об эту пору года.

Брат Кадфаэль, вернувшись из приюта Святого Жилия, занялся делами в своем сарайчике, сортируя семена бобов для посадки на будущий год. В это время Хью закончил беседу с аббатом и направился прямым ходом к старому другу. Узнав его быструю, легкую походку – звуки шагов были хорошо слышны на гравийной дорожке, – Кадфаэль приветствовал его, даже не повернув головы.

– Брат привратник предупредил, что ты зайдешь ко мне, – сказал он. – Какие новости? Что слышно из Оксфорда?

– Оттуда ничего, – коротко ответил Хью, усаживаясь поудобней на лавку, стоявшую подле бревенчатой стены. – Зачем далеко ходить? Новости у нас под боком, в Итоне. Умер Ричард Людел. Сегодня утром от старой леди прибыл верховой с известиями. Сын-то Людела находится у вас на воспитании.

Только теперь Кадфаэль повернулся, держа в руке глиняную миску, полную бобов, которые были высушены еще в плетях.

– Да, мальчик у нас. Так, значит, отец его умер. До нас доходили слухи, что ему стало хуже. Когда мальчонку прислали к нам, ему не было еще и пяти лет. Домой его брали очень редко. Полагаю, его отец решил, что сыну будет лучше здесь, среди сверстников, нежели подле ложа больного.

– И насколько я понимаю, подальше от его своевольной бабки. Правда, я совсем не знаю ее, – задумчиво добавил Хью. – Только по слухам. С самим-то Люделом я общался, хотя не видал его с тех пор, как мы вышли из битвы при Линкольне. Отчаянный рубака и славный малый, но угрюмый и молчаливый. А каков мальчик?

– Большой пострел и любитель приключений... Сущий чертенок, и, по правде говоря, хлопот с ним полон рот. В учении весьма прилежен, однако предпочитает подвижные игры. Брат Павел возьмет на себя труд известить мальчика о том, что отец его умер и что теперь он стал хозяином манора. Думаю, это озадачит Павла куда больше, нежели самого мальчика. Ведь отца тот почти не знал. Надеюсь, с его ленными правами все в порядке?

– С этим полный порядок, я лично за всем прослежу. Людел честно заслужил неприкосновенность своих прав. У него хороший манор, даже, пожалуй, слишком хороший. Земля плодородная, почти сплошь пахотная, отменные пастбища, заливные луга, леса. И все, видимо, ухоженное, поскольку нынче его владения стоят куда больше, чем лет десять назад. Мне бы надо побольше разузнать об управляющем и удостовериться, что тот не станет ущемлять прав наследника.

– Это Джон Лонгвуд, – немедленно выложил Кадфаэль. – Хороший человек и добрый семьянин. Мы отлично знаем его, часто имеем с ним дело и неизменно находим рассудительным и безусловно честным. Его земли лежат между монастырскими владениями, что в Эйтоне, у Северна, с одной стороны, и теми, что в Астоне, под Рекином, – с другой. Так вот Джон никогда не возражал против того, чтобы наши лесорубы проезжали по его землям от одного леса к другому, это сберегло им немало сил и времени. Так мы и возим бревна, что нарубили в нашей части Рекинского леса. Обеим сторонам очень удобно. Ведь принадлежащая Люделам часть Эйтонского леса вклинивается в нашу. Так не возить же им в обход? Вот уже два года, как Людел переложил все заботы на плечи Джона, так что тебе не о чем беспокоиться.

Хью молча покивал в знак безусловного одобрения таких добрососедских отношений.

– Аббат сказал мне, что четыре года назад Людел передал своего мальчика ему на попечение. Видно, не надеялся дожить до совершеннолетия сына. Похоже, он предвидел будущее, словно чувствовал дыхание смерти у себя за спиной, – сказал Хью и мрачно добавил: – Мало кто из нас обладает таким предвидением, иначе многие из тех, что сейчас в Оксфорде, поспешили бы заказать себе заупокойный молебен. Пора бы уже королю покончить с этим. Сам-то город, наверное, сдался, едва королевские войска перешли реку, но вот замок, я думаю, продержится до конца года, а то и дольше. Нахрапом тут не возьмешь, их сломит только голод. Но если Роберт Глостерский, который сейчас в Нормандии, до сих пор ничего не предпринял, мне придется считать его еще большим дураком, чем я считал прежде. Зная, как туго приходится его сестре, он наверняка поспешит домой. Мне известны случаи, когда осаждающие становились осажденными. Так уже бывало и может случиться вновь.

– Ну, когда он еще вернется, – спокойно заметил Кадфаэль. – Да и судя по всему, снаряжен он будет ничуть не лучше, чем при отъезде.

Сводный брат императрицы и ее лучший военачальник был послан во Францию, причем против своей воли, чтобы просить помощи для своей сестры у ее не очень расположенного к ней мужа, однако граф Жоффруа Анжуйский, по сведениям из надежных источников, был куда более занят собственными заботами в Нормандии, нежели делами своей жены в Англии. Он был достаточно хитер, чтобы уломать графа Роберта примкнуть к нему в Нормандии и вместе с ним прибираться к рукам один замок за другим, вместо того чтобы очертя голову бросаться на подмогу своей супруге в ее борьбе за английскую корону. Еще в июне граф Роберт отплыл из Уорема. Сам он ехать не хотел, но сестра отправила его со срочным посольством, да и Жоффруа настаивал, утверждая, что ему нужен при себе хоть кто-нибудь из ее доверенных лиц. Уже и сентябрь кончился, и Уорем вновь перешел в руки короля Стефана, а Роберт, несолоно хлебавши, все еще пребывал в Нормандии на службе у Жоффруа. Не так-то просто будет ему собраться и прийти на помощь своей сестре. Тем временем железное кольцо осады все теснее сжималось вокруг Оксфордского замка, да и король Стефан, похоже, не собирался отказываться от своих замыслов. Никогда еще он не стоял так близко к тому, чтобы захватить в плен свою двоюродную сестру и соперницу и тем самым заставить ее признать его власть.

– Любопытно, понимает ли король, сколь близок он к своей цели? – спросил Кадфаэль, закупоривая глиняный кувшин с отобранными семенами. – Будь ты на его месте, Хью, как бы ты поступил, если бы императрица была у тебя в руках?

– Боже упаси! – горячо произнес Хью и поморщился при одной мысли об этом. – Ума не приложу, что с ней делать! Вся беда в том, что и королю Стефану, похоже, придется не легче, если дело, конечно, дойдет до того. Ведь пожелай он, ему бы ничего не стоило запереть ее в замке Арунделл, когда она еще только высадилась в Англии. А что он сделал? Выделил ей эскорт и отослал прямоком в Бристоль к брату! А вот попади она в руки королевы, была бы совсем другая песня. Если король – великий воин, то королева – настоящий стратег. Она не упустит своего.

Хью встал и выпрямился. Тянувший из открытой двери сквозняк растрепал его черные прямые волосы, зашуршал пучками сухих трав, свисавших с потолочных балок.

– Короче говоря, осада будет долгой. Поживем – увидим, – заключил Хью. – Я слышал, тебе наконец-то дали какого-то паренька в помощники, это правда?

Вроде как и изгородь опять подстригли. Его работа?

– Его, – кивнул Кадфаэль, ступая вместе с Хью на гравий дорожки, идущей между грядок, на которых выращивались травы, правда уже несколько перестоявшие под конец лета. С одной стороны буксовую изгородь и впрямь тщательно подстригли, удалив торчавшие побеги, которые отросли за последний летний месяц. – Это все брат Винфрид, он сейчас возится на участке у реки, где мы с ним очищали бобовые плети. Долговязый такой детина, плечистый, только-только из послушников. Старательный, но копуша! А в общем, парень что надо. Похоже, его приставили ко мне, потому что пишет и малюет он, поди, как курица лапой. А вот лопата как раз по нем! Мне такого и надобно.

За пределами травного сада тянулись участки под овощами, а дальше, за небольшой горкой, по правую руку спускались к Меолу уже убранные гороховые поля, расположенные на задах аббатства. Там-то и трудился в поте лица своего брат Винфрид – долговязый, угловатый парень с копной всклокоченных жестких волос, торчавших вокруг его выбритой макушки. Одет он был в короткую рясу, на ногах – большие башмаки на деревянной подошве. Брат Винфрид орудовал лопатой со стальным лезвием, с такой легкостью рассекая ею густые сплетения бобовых корней и стеблей, словно то была простая трава. Искоса поглядев на шедших мимо Хью и Кадфаэля, он не прекратил работы и с прежним упорством вонзал свою лопату. Хью бросил взгляд на его смуглое простодушное лицо и невинные голубые глаза.

– Да уж, такой будет работать без устали, что лопатой, что боевым топором, – одобрительно заметил он, улыбаясь. – Мне бы дюжину таких молодцов на службу в замок.

– Нет, такой тебе не подойдет, – уверенно возразил Кадфаэль. – Как все крупные мужчины, он слишком простодушен и мягок. Чего доброго, бросит на землю меч и кинется перевязывать раны поверженному противнику. Тебе нужны маленькие злобные терьеры, что скалят зубы.

Миновав огороды, они прошли в цветник, где розы на клумбах уже переросли и начали ронять лепестки. Обогнув угол буксовой изгороди, они вышли на широкий двор, пустынный в этот утренний час, когда почти все находились на работах. Разве что несколько приезжих прохаживались подле странноприимного дома и конюшен. Едва Хью с Кадфаэлем обогнули высокую изгородь и сделали несколько шагов по двору, как чья-то маленькая тень метнулась от ворот

хозяйственного двора, где тесно, в три ряда, стояли сараи и амбары с монастырскими запасами, и тут же пропала в узком проходе, что вел со двора в монастырь. Минуту спустя она вновь мелькнула уже на другом конце прохода. Глаза мальчика были скромно потуплены, руки смиренно сцеплены на животе – ну сущий ангел! Кадфаэль предусмотрительно тронул Хью за плечо и приостановился, не желая, очевидно, слишком смущать паренька.

Тот прошел мимо лазарета, свернул за угол и был таков. Можно было не сомневаться в том, что, едва убедившись в счастливом избавлении от посторонних глаз, он вновь дал деру – только пятки засверкали! Хью усмехнулся. Кадфаэль поймал его взгляд и промолчал.

– Ну и ну! – сказал Хью. – Ты снял яблоки только вчера, их даже не успели разложить по корзинам. Хорошо еще, что мальчишка встретился нам, а не приору Роберту. Это с пазухой, оттопыренной, как у дородной купчихи!

– Кое-кто из нас смотрит на такие вещи сквозь пальцы. Наверное, он выбирал самые большие яблоки, но стянул не больше четырех. Ворует он в меру. Может, поспорил, а может, и просто из озорства, ради удовольствия вновь и вновь искушать провидение.

Поднятая бровь Хью свидетельствовала о том, что он в недоумении.

– Почему именно четыре?

– Потому что у нас воспитываются только четверо мальчиков, а если уж воровать, то, разумеется, на всех. У нас есть еще несколько послушников, чуть постарше, но перед ними он вряд ли несет какие-либо обязательства. Пусть воруют сами или остаются с носом. А известно ли тебе, как зовут этого постреленка? – спросил Кадфаэль, улыбаясь.

– Да нет, но ты почему-то остановил меня.

– Правда? Как бы то ни было, это сам Ричард Людел, новоявленный лорд Итона, – произнес Кадфаэль и задумчиво, как бы в оправдание запятнанной невинности отрока, добавил: – Но, честно говоря, он еще не знает об этом.

Когда за Ричардом прислали послушника, он, скрестив ноги, сидел на берегу мельничного пруда и сосредоточенно догрызал остатки большого сочного яблока.

– Тебя зовет брат Павел, – объявил посыльный, и выражение лица у него было как у человека, вынужденного сообщить дурные новости. – Он ждет тебя в монастырской приемной. И лучше поторопиться.

– Меня? – удивленно спросил Ричард, еще не до конца переживший радость от удачно совершенной кражи. У него не было особенных причин бояться брата Павла, наставника послушников и воспитанников, человека весьма мягкого и снисходительного, но мальчуган предпочел бы избежать его упреков. – А зачем я ему понадобился?

– Тебе лучше знать, – сказал послушник с ехидцей. – Мне он этого не сообщил. Ступай и узнаешь, если и впрямь сам не догадываешься.

Ричард бросил огрызок яблока в пруд и нехотя поднялся на ноги.

– В приемной, говоришь? – переспросил он.

Просьба зайти в такое уединенное и парадное место, как приемная, свидетельствовала о чем-то весьма серьезном, хотя Ричард не мог припомнить за собой никаких сколько-нибудь значительных проступков в последний месяц. Тем не менее он решил держаться настороже. В задумчивости он неторопливо пошел прочь от пруда, ступая босыми ногами по прохладной траве; затем его задубелые ступни почувствовали булыжник мощеного двора, и наконец он оказался в небольшой сумрачной приемной, где наезжавшие время от времени миряне могли с глазу на глаз поговорить со своими оставленными в монастыре родственниками.

Брат Павел стоял повернувшись спиной к окну, единственному в приемной, отчего и без того темное помещение казалось совсем мрачным. Брат Павел был высок, его коротко стриженные волосы, лежавшие вокруг бритой макушки, все еще оставались густы и черны, хотя монаху было уже под пятьдесят. Обычно он стоял, да и сидел тоже, слегка наклонившись вперед, поскольку уже много лет ему приходилось общаться главным образом с теми, кто вдвое уступал ему в размерах; сам же он имел намерение лишь наставлять их на путь истинный, а не

подавлять своей статью и мощью. Он был добр, учен и снисходителен и отлично делал свое дело, умел держать подопечных в узде, не прибегая к запугиванию. Самый старший из его нынешних питомцев, отданный в монастырь пяти лет от роду, а теперь уже достигший пятнадцатилетия и готовившийся стать послушником, рассказывал товарищам страшные истории о предшественнике брата Павла, который раздавал розги направо и налево и вдобавок обладал таким жутким взглядом, что кровь стыла в жилах.

Почтительно поклонившись, Ричард встал перед наставником. Лицо мальчика выражало полную безмятежность, зеленоватые глаза лучились ангельской невинностью. Он был худощав и маловат ростом для своих лет, но зато подвижен и ловок, как кошка, имел светло-каштановые волосы, густые и вьющиеся; обе щеки, равно как и его прямой нос, были сплошь покрыты золотистыми веснушками. Широко расставив босые ноги на досках пола и шевеля пальцами, Ричард стоял, глядя в лицо брата Павла взглядом покорным и невинным. Павлу был отлично знаком такой немигающий взор.

– Ричард, подойди и сядь рядом со мной, – сказал он как можно мягче. – Я должен тебе кое-что сообщить.

Одного этого было вполне достаточно, чтобы смутить мальчика, поскольку произнесено это было с такой значительностью и таким извиняющимся тоном, словно Ричард нуждался в утешении. Мальчик слегка нахмурился, но вызвано это было, скорее всего, простым удивлением. Он позволил брату Павлу усадить себя на лавку и обнять за плечи и сидел теперь рядом с ним, тупо глядя на свои босые ноги. Он готовился к выволочке, но его, похоже, ожидало нечто совсем иное, к чему он не был готов, так что теперь терялся в догадках.

– Тебе, наверное, известно, что твой отец храбро сражался в битве при Линкольне и был тяжело ранен. И что с тех пор со здоровьем у него было совсем плохо.

Крепкий, всегда сытый и вполне сносно ухоженный, Ричард не очень-то представлял себе, что значит «плохо со здоровьем», за исключением того, что нечто в этом роде бывает со стариками.

– Да, брат Павел, – ответил он немного приглушенным голосом, сообразив, что именно это от него сейчас и требуется.

– Сегодня утром твоя бабушка прислала к шерифу своего слугу, – продолжал брат Павел. – Он принес печальную весть, Ричард. Твой отец принял последнее причастие и получил отпущение грехов. Он умер, дитя мое. Ты его наследник и должен быть достоин своего отца. В жизни и в смерти он в руке Господней. Равно как и все мы.

Задумчивое удивление не отступало, Ричард по-прежнему глядел на свои босые ноги, руками он теперь вцепился в край лавки, на которой сидел рядом с братом Павлом.

– Мой отец умер? – переспросил он.

– Да, Ричард. Рано или поздно это ожидает всех нас. Всякому сыну надлежит в свой срок занять место отца, вступить в его права и нести его обязанности.

– Значит, теперь я стану лордом Итона?

Брат Павел не принял сказанное как знак выражения радости по поводу выгодного для мальчика события, но, скорее, как свидетельство осознания важности слов, сказанных самим братом Павлом. На наследника и в самом деле ложилось бремя ответственности, и к нему переходили все привилегии, которые принадлежали его отцу.

– Да, теперь ты лорд Итона. Точнее, станешь им, когда подрастешь. Ты еще должен набраться мудрости, чтобы научиться как следует управлять своими владениями и подданными. Именно на это и рассчитывал твой отец.

С трудом осмысливая практические следствия своего нового статуса, Ричард мучительно пытался вызвать в памяти образ отца, уход которого требовал теперь от него мудрости и благоразумия. Из своих редких в последнее время наездов домой, на Рождество и на Пасху, он вынес одно воспоминание: по прибытии и отбытии его допускали в комнату больного, где стоял запах лекарственных трав и преждевременной старости, разрешали поцеловать осунувшееся серое лицо и услышать низкий, безразличный от изнеможения голос человека, называвшего его сыном и просившего прилежно учиться и хорошо вести себя. Ричарду стало не по себе. Он никогда не принимал этого близко к сердцу.

– Ты любил своего отца и делал все, чтобы угодить ему, не так ли, Ричард? – поспешно и мягко сказал брат Павел. – Ты и впредь должен делать то же самое. Можешь помолиться о его душе, это послужит утешением и тебе самому.

– Должен ли я отправиться теперь домой? – спросил Ричард, которому в эту минуту важнее было понять, что ему делать, нежели услышать слова утешения.

– На похороны отца – разумеется. Но дома ты не останешься, еще не время. Твой отец хотел, чтобы сперва ты как следует выучился читать, писать и считать. Ты еще слишком молод, а пока ты не станешь мужчиной, за твоим манором будет присматривать управляющий.

– Моя бабушка считает, что мне незачем учиться грамоте, – заметил Ричард. – Она очень разгневалась, когда отец отослал меня сюда. Она говорит, что какой-никакой писарь найдется в любом маноре и что чтение книг не самое подходящее занятие для дворянина.

– Полагаю, она не пойдет против воли твоего отца. А раз он умер, его воля тем более священна.

– Но у бабушки свои соображения на мой счет, – с сомнением произнес Ричард, поджав губы. – Она хочет женить меня на дочери нашего соседа, потому что у Хильтруды нет братьев и она наследница Лейтона и Роксетера. И теперь бабушка решит женить меня как можно скорее, – просто объявил он, искренне глядя в глаза брату Павлу.

Монаху потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить слова Ричарда и соотнести их с событиями той поры, когда мальчик пятилетним малышом поступил в аббатство. Маноры Лейтон и Роксетер располагались как раз по обе стороны от Итона и, разумеется, были лакомым кусочком, однако покойный Ричард Людел, похоже, отнюдь не разделял честолюбивых замыслов своей матери в отношении ее внука, поскольку самолично отправил мальчика подальше от бабки, а еще год спустя назначил аббата Радульфуса опекуном Ричарда, словно предвидел, что вскоре сам уже не сможет защитить его. Брат Павел подумал, что аббату лучше знать, как следует теперь поступить. Вряд ли он одобрит такое поправление своих опекунских прав, ведь его подопечный еще совсем ребенок.

– Твой отец не известил нас о своей воле относительно твоего будущего, когда ты станешь совсем взрослым, – промолвил брат Павел весьма уклончиво. – Такие вещи решаются в свое время, а оно еще не наступило. Поэтому тебе совершенно незачем забивать голову тем, к чему не придется возвращаться еще много лет. Ты находишься на попечении отца Радульфуса, и ему лучше знать, как с тобой поступить. – Однако, давая волю любопытству, брат Павел не преминул спросить мальчика: – А ты видел ту девочку, я имею в виду дочку вашего соседа?

– Она не девочка! – Ричард скорчил гримасу. – Она совсем старая. Ее уже раз просватали, но жених умер. Моя бабушка была довольна. Ведь Хильтруда несколько лет ждала своего жениха, а другие к ней потом и не сватались, потому что она не слишком хороша собой. Так что, скорее всего, она достанется мне.

Эти объяснения совсем не понравились брату Павлу. Наверное, «совсем старой» Хильтруде перевалило чуть за двадцать. Но и эта разница в возрасте была, разумеется, совершенно неприемлемой. Вообще-то говоря, такие неравные браки были делом обычным, когда речь шла о крупных состояниях и землях, однако мало кто одобрял их. Аббат Радульфус давно уже мучился угрызениями совести, принимая в монастырь малолетних детей, которых присылали к нему их отцы, и решил больше не брать мальчиков в аббатство до тех пор, пока те не смогут сделать выбор самостоятельно. Поэтому вряд ли он одобрительно отнесется к идее связать ребенка жестокими и почти убийственными узами такого брака.

– Короче говоря, выбрось все это из головы, – твердо сказал брат Павел. – Еще несколько лет у тебя будет одна забота – как следует учиться и, как это пристало мальчику твоего возраста, развлекаться. Ну теперь, если хочешь, можешь идти к своим товарищам, а нет – посиди здесь.

Ричард осторожно освободился от обнимающей его плечи руки брата Павла и быстро встал с лавки, лелея одно желание – поскорее оказаться на свежем воздухе в кругу своих друзей – и не имея никакой охоты продолжать этот разговор. Он еще не вполне осознал случившееся, однако не умом, но сердцем чувствовал, что пока ему не о чем беспокоиться.

– Если что-нибудь будет неясно, если тебе понадобится утешение или добрый совет, возвращайся ко мне, и мы вместе сходим к отцу Радульфусу, – проговорил брат Павел. – Он мудрее меня и лучше моего знает, как помочь тебе в это

нелегкое время.

Еще чего! Была охота простому ученику по доброй воле нарываться на беседу со столь значительной персоной. Подобающее моменту торжественно-печальное лицо Ричарда приобрело озабоченное выражение, как у человека, которому предстоит неизвестный и тернистый путь. Мальчик поклонился на прощание и поспешно, даже слишком поспешно, вышел из приемной. А брат Павел, проследив за ним из окна и не обнаружив в парнишке ни малейших признаков отчаяния, отправился к аббату, чтобы сообщить ему о видах, которые леди Дионисия Людел имеет на своего внука.

Аббат Радульфус внимательно выслушал брата Павла и в задумчивости нахмурился. Он вполне понимал желание леди объединить Итон с двумя соседними манорами. Тогда это объединенное владение будет представлять собой значительную силу в графстве. И само собой разумеется, что сия грозная госпожа намерена управлять этим владением самолично, через голову невесты, ее отца и малолетнего жениха. Страсть к приобретению земель – это страшная сила, и ради вожаемой цели вполне можно было пожертвовать детьми.

– Напрасно мы тревожимся, – изрек аббат Радульфус, как бы решив что-то для себя. – Забота о мальчике возложена на меня, у меня он и останется. Чего бы там эта леди ни желала, она не получит его. Забудем об этом. Она не представляет никакой угрозы ни для Ричарда, ни для нас.

Однако как бы ни был мудр аббат, вышло так, что вскоре ему пришлось признать свои выводы глубоко ошибочными.

Глава вторая

Монахи находились в зале капитула, когда утром двадцатого октября в обитель прибыл управляющий Итонского манора с посланием от своей госпожи.

Джону Лонгвуду было лет пятьдесят – дородный, бородатый мужчина с изрядной лысиной и благородными манерами. Выказав положенные знаки почтения аббату, он, как человек, исполняющий свой долг и не претендующий

на собственное мнение по данному делу, ясно и просто изложил суть своей миссии.

– Милорд, леди Дионисия Людел послала меня к вам, дабы почтительно приветствовать вас, и просит прислать к ней вместе со мной ее внука Ричарда, дабы тот занял свое законное место лорда Итона в доме своего отца.

Аббат Радульфус, откинувшись на спинку кресла, бесстрастно смотрел в лицо посланнику.

– Разумеется, Ричард будет присутствовать на похоронах отца, – сказал он. – Когда назначена церемония?

– Завтра, милорд, перед обедней. Однако моя госпожа имела в виду другое. Она хочет, чтобы молодой лорд оставил свои занятия в аббатстве и занял место лорда Итона. Я должен сказать, что леди Дионисия самолично намерена взять на себя попечение о Ричарде, тем более что теперь он вот-вот войдет в права наследства, а она уверена, что так оно и будет, без всяких задержек и препятствий. Мне приказано привезти наследника домой.

– Боюсь, что тебе не удастся выполнить этот приказ, – осторожно заметил аббат. – Ричард Людел поручил опеку сына мне, на тот случай, если он умрет, не дождавшись его совершеннолетия. Он желал, чтобы его сын получил достойное образование, дабы, вступив в права наследства, он мог разумно управлять своими владениями. Я намерен исполнить данное Ричарду Люделу обещание. Молодой Ричард останется под моей опекой, пока не подрастет и не сможет отвечать за свои поступки. А до той поры, я уверен, ты будешь служить ему столь же верно, как служил его отцу, содержа его владения в надлежащем порядке.

– Вы можете быть совершенно уверены, что так оно и будет, милорд, – промолвил Джон Лонгвуд, уже значительно дружелюбнее, нежели когда он говорил о сути поручения своей госпожи. – После битвы при Линкольне лорд Ричард оставил все дела на меня, и у него не было случая пожалеть об этом, и сын его никогда не будет в чем-либо ущемлен мною. Можете не сомневаться.

– Я и не сомневаюсь, – улыбнулся аббат. – А мы тут, переложив на тебя все заботы о владениях Ричарда, продолжим его обучение и долженствующее

наставление.

– Что же прикажете передать леди Дионисии? – спросил Джон, не выказывая никаких признаков разочарования или гнева.

– Передай своей госпоже, что я почтительно приветствую ее во Христе и что Ричард будет доставлен завтра, и, как полагается, с надлежащим эскортом, – ответил аббат с ударением на последних словах. – Однако я имею священные обязательства перед его отцом относительно опеки сына, вплоть до совершеннолетия последнего, и намерен твердо придерживаться воли покойного Ричарда Людела.

– Так я и передам, милорд, – коротко объявил Джон Лонгвуд, глядя в глаза аббату, затем почтительно поклонился и быстрым шагом покинул зал капитула.

Когда брат Кадфаэль и брат Эдмунд, попечитель лазарета, вышли на большой монастырский двор, они успели увидеть, как подле привратницы посланец из Итона сел верхом на своего коренастого валлийского коня и неторопливо поехал в сторону Форгейта.

– Я не сильно ошибусь, если скажу, что это поехал настоящий мужчина, – рассудительно заметил брат Кадфаэль. – Он не расстроился, получив решительный отказ. И похоже, вовсе не боится привезти его своей госпоже. Можно даже подумать, он попросту остался доволен.

– Он ведь не зависит от доброй воли своей госпожи, – возразил брат Эдмунд. – Покуда мальчик не станет сам себе хозяином, только шериф как сюзерен может угрожать его правам управляющего, а кроме того, Джон прекрасно знает свои достоинства. Знает о них и практичная старая леди, и она благодарна ему за рачительное управление владениями Люделов. Не желая ссориться с нею, Джон исполнил ее приказ, разумеется без особой радости. Делал свое дело да помалкивал.

Надо заметить, что Джон Лонгвуд и в куда более приятных обстоятельствах был молчуном, так что ему не составило особого труда постоять несколько минут с каменным лицом перед аббатом и промолчать.

– Этим дело не кончится, – сокрушенно заметил Кадфаэль. – Раз уж эта леди надумала прибрать к рукам Роксетер и Лейтон, так просто она не отступится. Наверняка мы еще услышим о леди Дионисии Людел.

Аббат Радульфус принял все возможные меры предосторожности. Юного Ричарда в Итон сопровождали брат Павел, брат Ансельм и брат Кадфаэль – охрана вполне надежная, даже на случай попытки захвата силой. Впрочем, надеялись, что обойдется без этого. Куда более вероятной представлялась возможность того, что леди Дионисия станет использовать личное обаяние и кровные узы, воздействуя на мальчика слезами и уговорами, чтобы пробудить в нем тоску по дому и переманить на свою сторону. Поглядывая по дороге в лицо Ричарда, Кадфаэль думал, что если старая леди рассчитывает обстряпать дело таким образом, то явно недооценивает и детскую непосредственность, и детскую рассудительность. Мальчик вполне отдавал себе отчет, в чем состоят его интересы, и никогда не упускал своего. При монастырской школе он жил в свое удовольствие, у него были друзья-сверстники, и вряд ли он ни с того ни с сего променяет привычную и беззаботную жизнь на неведомое ему одинокое житье – ведь у него нет братьев – и угрозу женитьбы на девушке, которая по его понятиям совсем стара. Разумеется, Ричард высоко ставил свои наследственные права и жаждал поскорее вступить в них, но они и без этого оставались при нем, и, будь он в обители либо дома, все одно пока не мог воспользоваться своими правами и поступать по своему усмотрению. Нет, чтобы завоевать ум и сердце Ричарда, леди Дионисия наверняка прибегнет к какому-нибудь более сильному средству, нежели бабушкины слезы и объятия. Тем более что этих ее слез и объятий никто от нее никогда не ожидал и не видел.

От аббатства до Итонского манора было немногим больше семи миль, но, к чести монастыря Святых Петра и Павла, по столь печальному случаю монахов и мальчика отправили верхом. Леди Дионисия заранее прислала слугу с крепким валлийским пони для своего возлюбленного внука, что было, видимо, первым шагом на пути переманивания мальчика на свою сторону. Подарок был принят с огромным удовольствием, но леди Дионисии вряд ли стоило этим особенно обольщаться. Поскольку подарок есть подарок, а дети достаточно проницательны, остро чувствуют, что движет старшими, и знают, когда дар приносится им от чистого сердца, без тайного умысла получить что-то взамен. Тем не менее осенним утром, ясным и росистым, Ричард, гордый и счастливый, сел верхом на своего пони, радуясь, что сегодня не будет уроков, и почти забыв о печальном поводе своей поездки. Слуга, длинноногий парень лет

шестнадцати, бежал рядом и, держа пони под уздцы, перевел его через брод у Роксетера, в том самом месте, где несколько сот лет назад переходили Северн римляне. Здесь от их пребывания не осталось ничего, кроме мрачной разрушенной стены, бурой лентой тянувшейся вдоль зеленых полей; камни, из которых она была некогда сложена, местные жители давным-давно растащили на свои хозяйственные нужды. В этих местах, где прежде, говорят, стоял город с крепостью, ныне раскинулся богатый манор с плодородными, тучными землями и процветающей церковью.

В дороге Кадфаэль с любопытством поглядывал по сторонам, поскольку Роксетер был одним из тех двух маноров, которые леди Дионисия вознамерилась присоединить к владениям Люделов, женив Ричарда на Хильтуде Эстли. Это был и впрямь лакомый кусочек. Земли, раскинувшиеся перед ними к северу от реки, были заняты заливными лугами и волнистыми полями, поднимавшимися там и сям на пологие зеленые взгорки; по краям виднелись небольшие рощицы, уже тронутые золотом осенней листвы. Вдали, на горизонте, маячил лесистый кряж Рекин, тяжелое кружево леса тянулось вниз по склонам к Северну, простирая длинную прядь своей темной гривы через земли Люделов к принадлежащему монастырю Эйтонскому лесу. Между фермой Эйтон и домом Ричарда Людела в Итоне было не более мили. Да и сами эти названия, Эйтон и Итон, происходили от одного корня, однако время развело их, а нормандская страсть к порядку закрепила различие в их написании.

Вскоре путники достигли манора Люделов. Перед ними теперь возвышался даже не холм, а целая гора с выходами скальной породы, видневшимися среди древесных крон ближе к вершине. У самого подножия, на лугу, располагалась деревня. Сам же дом, окруженный высоким частоколом, стоял над криптой вместе с расположенной рядом церковкой. Первоначально она была просто часовней при Лейтонской церкви, что располагалась всего в двух милях ниже по реке.

У частокола путники спешили, и как только Ричард ступил на землю, брат Павел крепко взял его за руку. Тем временем навстречу им из дома вышла леди Дионисия, поспешно спустилась по ступенькам, решительно подошла к своему внуку и, склонившись, поцеловала его. Ричард безропотно поднял для поцелуя несколько испуганное лицо, но руку брата Павла не отпустил, продолжая крепко держаться за нее. Он знал, что его охраняют, но был не вполне уверен в надежности этой охраны.

Кадфаэль с любопытством поглядывал на старую леди, поскольку, хоть и был наслышан о ней, никогда прежде не видел ее. Леди Дионисия была высока и стройна, ей никак нельзя было дать больше пятидесяти пяти, и на здоровье она явно не жаловалась. Более того, она была по-своему красива – правильные черты лица, серые глаза, холодный взгляд. Однако в этом ледяном взоре трудно было не заметить пламени, вспыхнувшего, когда она увидела эскорт Ричарда и осознала силу противника. За ее спиной толпилась челядь, рядом стоял приходской священник. Приступ, похоже, пока откладывался. Быть может, после, когда покойного Ричарда Людела похоронят и гости войдут в дом на поминки, она сделает свой первый ход. Едва ли в такой день наследнику удастся избежать общества своей бабушки.

Пышная похоронная процессия направилась в сторону кладбища. Не без любопытства брат Кадфаэль разглядывал челядинцев покойного, начиная от Джона Лонгвуда и кончая совсем еще юным деревенским пастухом. Все говорило о том, что Итон процветал под управлением Джона и его жители были довольны своей судьбой. Так что у Хью имелись все основания не беспокоиться. На похороны пришли и соседи, среди них Фальк Эстли, жадно оглядывавший владения Люделов, которые намеревался заполучить в свое пользование, в случае если намечавшийся брак его дочери не сорвется. Кадфаэль видел его пару раз в Шрусбери – крупный, начинающий полнеть осанистый мужчина лет под пятьдесят, движения замедленные – полная противоположность неугомонной, неистовой женщине, с мрачным видом стоявшей над могилой своего сына. Рядом с ней замер Ричард, бабушкина рука лежала у него на плече – скорее рука хозяйки, а не защитницы. Глаза мальчика были мрачны, как могила, которая отверзлась, чтобы вот-вот поглотить тело его отца. Одно дело, когда смерть далеко, и совсем другое, когда она прямо перед тобой. До сей минуты Ричард не вполне еще понимал всю бесповоротность этого разрыва и этой потери.

Бабушка так и не сняла своей руки с плеча внука, когда процессия плакальщиц потянулась обратно в манор, где в доме были накрыты столы для поминок.

Старческие пальцы леди Дионисии, длинные и крепкие, намертво вцепились в ткань плаща мальчика. Бабушка провела внука среди гостей и соседей, не особенно подталкивая его, но властно, как бы показывая всем, что он здесь хозяин и главная персона на похоронах своего отца. Ничего худого в этом не было. Впрочем, Ричард и без того был вполне осведомлен о своем положении и мог дать отпор любым посягательствам на свои привилегии. Брат Павел

наблюдал за всем этим с некоторой тревогой и шепнул Кадфаэлю, что надо бы увезти мальчика отсюда еще до того, как разъедутся гости, а иначе они рискуют вернуться в обитель без него, поскольку свидетелей уже не будет. Вряд ли мальчика станут удерживать силой на глазах священника и приезжих соседей.

Кадфаэль разглядывал прибывших в Итон: кое-кого он никогда раньше не видел. Вот двое монахов в серых одеждах, приехавшие из монастыря Савиньи, что в Билдвасе, расположенном в нескольких милях ниже по реке, за Лейтоном. Монастырь пользовался покровительством Люделов. Вместе с монахами был еще один человек, державшийся скромно, но достойно, и Кадфаэль не сразу догадался, кто это такой. Тот был в черном монашеском одеянии, выцветшем и порядком заношенном, нестриженные темные волосы спадали ему на отворот капюшона, на плече поблескивали в солнечном свете две-три металлические бляхи, свидетельствовавшие о том, что обладатель их совершил, видимо, не одно паломничество в Святую землю. Быть может, в монастыре поселился какой-нибудь странствующий монах? Вот уже лет сорок, как Роже де Клинтон, епископ Личфилдский, основал монастырь Савиньи в Билдвасе. Эти трое свидетелей как раз то, что надо. В их присутствии не будет никакого насилия.

Наконец брат Павел приблизился к леди Дионисии и учтиво, но настойчиво потребовал мальчика обратно, однако та не собиралась сдаваться просто так.

– Брат Павел, – сверкнув очами, произнесла она деланно ласковым голосом, – я прошу позволения оставить Ричарда, пусть он переночует дома. У него был такой тяжелый день, и, наверное, мальчик очень устал. Не надо бы ему уезжать до утра.

Леди Дионисия и словом не обмолвилась о том, что утром пришлет мальчика в Шрусбери, и все еще крепко держала внука за плечо. Говорила она намеренно громко, чтобы все слышали, как она печется о Ричарде.

– Госпожа, – сказал брат Павел с самым смиренным видом, – к сожалению, я вынужден сообщить, что нам придется уехать. Увы, не в моей власти позволить Ричарду остаться вместе с вами, ибо к вечеру нас ждут в аббатстве. Прошу не гневаться на нас.

Леди Дионисия сладко улыбнулась, но взгляд ее был холоден и жесток. Тем не менее она сделала еще один ход. Скорее всего, это была просто игра на

публику, а не попытка немедленно добиться своего, так как старая леди понимала, что в данных обстоятельствах бессильна что-либо изменить.

– Я полагаю, аббат Радульфус внял бы моему желанию побыть с ребенком хотя бы еще один день. Ведь это все, что у меня осталось, плоть от плоти моей, и я так редко видела Ричарда в последние годы. Если вы сразу заберете его, я буду безутешна.

– Госпожа, – твердо произнес брат Павел, вздохнув, – я сожалею о том, что вынужден идти против вашего желания, но у меня нет иного выхода. Я обязан выполнить приказ аббата и к вечеру вернуться в Шрусбери вместе с мальчиком. Пойдем, Ричард, нам пора ехать.

На мгновение старая леди еще крепче вцепилась в плечо своего внука, словно намеревалась действовать даже при свидетелях, но вовремя спохватилась. Сейчас ей нужно было вызвать сострадание, а не возмущение соседей. Поэтому она отпустила Ричарда, и тот неуверенно пошел к брату Павлу.

– Передай лорду аббату, что я как можно скорее хотела бы поговорить с ним, – промолвила она по-прежнему мягко, хотя очи ее сверкали от гнева.

– Обязательно передам, госпожа, – отвечивал брат Павел.

Сказано – сделано. Уже на следующее утро леди Дионисия верхами, со свитой, во всем блеске своего величия, прибыла в аббатство, дабы испросить аудиенции у аббата Радульфуса. Почти целый час она провела с ним с глазу на глаз, после чего вышла, мечта холодные, гневные взгляды, как вихрь пересекла большой двор, разметав, словно осенние листья, ни в чем не повинных послушников, и ускакала восвояси таким резвым аллюром, какой вряд ли долго выдержала бы ее низкорослая испанская лошадь; свита, молчаливая и напуганная, потащилась следом.

– Эта леди привыкла идти напролом, – заметил брат Ансельм. – Но на этот раз она встретила достойного противника.

– Полагаю, мы еще услышим о ней, – с беспокойством сказал брат Кадфаэль, глядя на оседающий по дороге шлейф пыли.

– Дамочка, конечно, упрямая, – согласился брат Ансельм. – Но что она может сделать?

– Скоро узнаем, – промолвил Кадфаэль. – И боюсь, что слишком скоро.

Ждать им не пришлось и двух дней. От леди Дионисии прибыл ее поверенный. Церемонно представившись в зале капитула, он потребовал выслушать его. Этот тощий человек с быстрыми движениями и каким-то недовольным выражением лица вошел в зал капитула, держа в руках несколько пергаментных свитков. Он приветствовал собравшихся сухо, но с достоинством и скорее с печалью в голосе, нежели с гневом. Потом он выразил свое сожаление по поводу того, что такой ученый, честный и благородный человек, как аббат Радульфус, вынужден был выступить против кровных уз и отказывается передать Ричарда Людела в любящие руки его единственной близкой родственницы, которая, желая внуку только добра, намерена сама наставлять и направлять его, нового хозяина манора. Таким образом, в отношении бабушки и внука была совершена вопиющая несправедливость, ибо негоже ставить препоны на пути их естественной тяги друг к другу и взаимной любви. Поверенный еще раз выдвинул требование исправить содеянную несправедливость и отослать Ричарда Людела вместе с ним обратно в Итон.

Аббат Радульфус учтиво, не прерывая говорящего, выслушал до конца его витиеватую речь.

– Благодарю, что исполнили вашу миссию, – изрек он наконец. – Это было сделано по всем правилам. Тем не менее я не могу изменить своего решения, известного леди Дионисии. Покойный Ричард Людел поручил опеку сына именно мне, причем это запечатлено документально и заверено подписями свидетелей. Я принял это бремя и теперь не имею права снять его с себя. Отец Ричарда желал, чтобы сын находился в обучении при аббатстве, покуда не достигнет совершеннолетия и не сможет сам отвечать за свою жизнь и поступки. Я обещал это покойному Люделу и сдержу свое слово. Его смерть лишь усугубила тяжесть моего священного долга и мою ответственность. Так и передайте своей госпоже.

– Милорд, обстоятельства ныне изменились, и такой, составленный частным образом, документ не может быть в суде единственным доводом в вашу пользу, – поспешно отвечал поверенный, словно и не ожидал от аббата иного ответа и был готов продолжать свою миссию. – Полагаю, что королевский суд в не меньшей степени прислушается к иску столь благородной леди, которая является вдовой, а теперь лишилась и своего сына, и которая имеет все возможности, чтобы достойно содержать и воспитывать своего внука, не говоря уже о вполне естественной необходимости обрести утешение в нынешнем ее положении. Моя госпожа велела мне известить вас, что, если вы не отдадите мальчика, она обратится за защитой к закону, дабы вернуть внука домой.

– Я могу лишь одобрить ее намерения, – откровенно ответил аббат. – Решение королевского суда удовлетворит обе стороны и снимет с нас бремя ответственности. Передайте мои слова своей госпоже и скажите, что я со смирением буду ждать от нее вестей. Однако, пока судебное решение не вынесено, я вынужден поступать по своему усмотрению, – объявил аббат, сухо улыбнувшись. – И я рад, что мы пришли к согласию.

Поверенному не оставалось ничего другого, как принять к сведению этот неожиданно мягкий ответ и откланяться со всею возможной учтивостью. Среди монахов прокатился шепот любопытства и удивления, но аббат Радульфус погасил его одним взглядом, и, покуда братья не вышли на большой двор и не разбрелись каждый по своим делам, никто не посмел открыто обсуждать случившееся.

– Так ли уж мудро поступил аббат? – с сомнением в голосе спросил брат Эдмунд, хмуро глядя на Кадфаэля, который направлялся вместе с ним в сторону лазарета. – А что, если она и впрямь потянет нас в суд? Очень может статься, что суд встанет на сторону одинокой леди, желающей видеть внука дома.

– Не беспокойся, – уверенно сказал Кадфаэль. – Это пустая угроза. Ей не хуже нашего известно, что суд вершится долго и стоит немалых денег. И это в лучшие времена, а теперь, когда король далеко и занят куда более срочными делами, причем в половине его королевства закон практически бездействует, тем более. Нет, она просто хочет заставить аббата еще раз подумать и решила поугадать его долгой тяжбой. Этот ее поверенный нам не страшен, да он и сам знает, что леди Дионисия не собирается обращаться в суд. Скорее всего, она хочет вершить суд сама и попытается выкрасть мальчика. Раз уж он ей так нужен, она будет добиваться своего не мытьем, так катаньем, не по правде, так силой, тем более

что такой образ действий куда ближе ей, чем отцу Радульфусу.

– Будем надеяться, – вздохнул брат Эдмунд, – что эта леди испробовала еще не все мирные средства, раз уж крайним является насилие.

Никто не мог сказать определенно, откуда юному Ричарду становятся известными все тревожения, возникшие вокруг его будущего. Он не мог подслушать сказанного в зале капитула, поскольку даже послушники не присутствовали на ежедневных собраниях братии, да и сами монахи не особенно распространялись на счет судьбы мальчика, находившегося в центре противоборства. Однако было совершенно ясно, что Ричарду все известно и что вся эта история доставляет ему даже какое-то болезненное удовольствие. Семейное несчастье сделало его жизнь занятнее, тем более что, находясь в стенах аббатства, он мог чувствовать себя в полной безопасности и тихо радоваться: ведь из-за его персоны разгорелся такой сыр-бор.

– Он же видит, как люди из Итона шастают туда-сюда, – с сожалением промолвил брат Павел Кадфаэлю, в тихом травном саду делясь с ним своими опасениями. – Глаз у него острый, парень сразу подмечает, что к чему и куда клонится дело после похорон его отца. Уж лучше бы ему не быть таким проницательным.

– Наоборот, – возразил Кадфаэль, – слава Богу, что у него есть голова на плечах. Осведомленная невинность не попадет в силки. Да и старая леди вот уже дней десять ничего не предпринимает. Может, она одумалась и отказалась продолжать борьбу?

Впрочем, Кадфаэль сильно сомневался в этом. Не такова была леди Дионисия, чтобы спокойно терпеть, когда ей перечат.

– Может, оно и так, – с надеждой сказал брат Павел. – Я слышал, она приютила у себя какого-то странствующего монаха и отдала распоряжение привести для него в порядок старый лесной скит. Дескать, она желает, чтобы тот денно и ночью молился за упокой души ее сына. Об этом рассказал лесник Эйлмунд, когда привез разрешение на охоту. Мы с тобой видели этого монаха на похоронах. С ним тогда было еще двое братьев из Билдваса. Тот странник неделю жил у них, и они отзывались о нем весьма почтительно.

Кадфаэль, кряхтя, выпрямился, оторвавшись от грядки, на которой выращивалась мята, ставшая к концу октября совсем уже жесткой и тонколистной.

– Так это тот самый мужчина со створкой раковины[1 - Створка раковины морского гребешка – атрибут св. Иакова, отличительный знак пилигрима, совершившего паломничество в испанский город Сантьяго-де-Компостела к усыпальнице святого. – Перев.] и медальоном святого Иакова? Конечно, я помню его. Значит, он поселился в наших местах? Предпочел лесной скит с огородом одеждам монаха Савиньи! Сам-то я никогда не жил отшельником, но знал людей, которым было милее размышлять и молиться в одиночестве. Давненько в том скиту никто не жил.

Кадфаэль знал те места, хотя и редко бывал там, поскольку монастырские лесники на здоровье особенно не жаловались и не так уж часто нуждались в лекарственных травах. Этот скит, который уже много лет пустовал, находился в лесистой лощине и представлял собой небольшой каменный домик. При нем находился огород, что некогда возделывался, а ныне был заброшен и зарос. Здесь шла лесная полоса, которая соединяла земли, относившиеся к Итону, и Эйтонский лес, принадлежащий аббатству. Скит же стоял как раз там, где земли Люделов граничили с владениями аббатства возле молодого леса, насаженного лесниками.

– Если этот монах и впрямь поселится там, ему будет спокойно, – заметил Кадфаэль. – А как его зовут?

– Братья кличут его Кутред. Хорошо, когда святой человек у тебя под боком. Они, похоже, уже начали перекладывать свои заботы и тревоги на его плечи. Быть может, как раз ему и удастся утихомирить старую леди, – с надеждой сказал брат Павел. – Наверное, он имеет на нее большое влияние, иначе она ни за что не позволила бы ему остаться. И вообще, уже десять дней о ней ни слуху ни духу. Кто знает, не его ли нам следует благодарить за это?

И в самом деле, покуда один за другим спокойно проходили теплые октябрьские деньки с туманными рассветами, ясными, но не жаркими полднями и зеленоватыми закатными сумерками, сырыми и таинственно безмолвными, казалось, что борьбы за юного Ричарда больше не будет, что леди Дионисия наконец смирилась, осознав бесплодность угрозы судебного преследования. Старая госпожа даже прислала в аббатство своего священника. Тот привез от

нее деньги в уплату за молебны, которые она просила отслужить в храме Пресвятой Девы за упокой души своего сына. Оставалось только истолковать это как шаг на пути к примирению. По крайней мере, именно так воспринял это брат Фрэнсис, новый хранитель алтаря Девы Марии.

– Отец Эндрю сказал мне, – доложил он аббату после того, как священник уехал, – что, когда братья из Савиньи привели в дом к леди Дионисии этого Кутреда, она прониклась к нему доверием, с большим вниманием прислушивается к его словам и ничего не делает, не посоветовавшись с ним. Своей святостью этот человек завоевал всеобщее уважение. Говорят, он на старый манер дал строгий обет затворничества и теперь не выходит из скита, разве что в огород. И он не отказывает в помощи или просьбе помолиться никому – кто бы ни пришел. Отец Эндрю о нем очень высокого мнения. Жить в отшельничестве у нас не принято, но не так уж плохо иметь святого человека под боком, в соседнем маноре. Нам остается только благословить судьбу.

Того же мнения придерживалось большинство жителей округа, поскольку святой отшельник, живущий в Итоне, был гордостью манора, и единственное, что кое-кому не нравилось, как слышал Кадфаэль, так это чрезмерная скромность Кутреда, сперва резко возражавшего, а потом и вовсе строго-настроено запретившего превозносить вслух его достоинства. Что с того, что наименьшим из сотворенных им чудес было отвращение посредством молитвы падежа скота в одном из стад леди Дионисии, где обнаружилась зараза? А еще он прислал как-то своего молодого слугу с предупреждением о буре, которая благодаря его заступничеству отбушевала, не принеся серьезного ущерба. И отшельник всегда настаивал на том, чтобы эти чудеса не смели относить на его счет, и чрезвычайно гневался, когда такие попытки все-таки предпринимались, угрожая карою Господней всякому, кто ослушается. Еще и месяца не прошло, как Кутред появился в Итоне, а он уже приобрел такое влияние, каким никогда не пользовались ни леди Дионисия, ни отец Эндрю, слухи о его святости передавались, несмотря на все запреты, соседями из уст в уста, шепотом, как некая тайна, делиться которой можно было лишь с глазу на глаз.

Глава третья

Время от времени Эйلمунд, эйтонский лесничий, заезжал в аббатство, докладывая капитулу о своих трудах и заботах, а в случае нужды просил прислать монахов на подмогу. Однако помощь ему требовалась редко, как правило, он ограничивался коротким отчетом. Тем не менее к концу второй недели ноября он вновь с утра пришел в аббатство, хмурый и озадаченный. Похоже было на то, что какая-то страшная беда обрушилась на его лесные угодья.

Эйلمунду перевалило за сорок, это был весьма сообразительный мужчина с косматой черной гривой, плотный, могучего телосложения. Он стоял посреди зала капитулы, чуть расставив мощные ноги, словно борец, который смотрит в глаза противнику, и медленно, как бы с усилием, излагал суть своего дела.

– Милорд, у меня происходят какие-то непонятные вещи. Неделю назад, как вы помните, была сильная гроза, так вот вода в сточной канаве, что идет между нашей делянкой и большим лесом, подмыла несколько кустов, вот канаву и запрудило, вода вышла из берегов и затопила посадки этого года. Едва я успел расчистить запруду, как выяснилось, что разлившаяся вода сильно размывала берега канавы и та в итоге совсем заплыла грязью. Вскоре я обнаружил, что на делянку забрались олени. Они погрызли все деревца, что мы посадили два года назад. Я думаю, многие саженцы погибнут, а выжившие задержатся в росте. Вся моя работа пошла прахом!

Кадфаэль знал те места, гордость лесничего Эйلمунда, ухоженную часть Эйтонского леса, прочищенную, с целой сетью сточных канав, лучшую в графстве лесную делянку, где постоянно велась вырубка шести-семилетних деревьев, чтобы света хватало всякому дереву, и росла густая трава со множеством лесных цветов. Некоторые деревья, такие как ясень, выращивались из побегов, росших прямо из старого пня. А такие, как вязы и осины, – из побегов, что вырастали вокруг пня. Кое-какие посадки заботами Эйلمунда превратились уже в настоящие рощи, и до сих пор ни одно стихийное бедствие не бросало искусному лесничему такого дерзкого вызова. Разумеется, он был сильно огорчен. Да и аббатству грозил значительный ущерб, поскольку лес с делянки шел на дрова, древесный уголь, черенки для инструмента, а также на всевозможные плотницкие и столярные изделия, что в целом приносило аббатству немалый доход.

– Однако на этом мои несчастья не кончились, – мрачно продолжал Эйلمунд. – Не далее как вчера я обходил посадки уже с другой стороны, где с канавой все в

порядке, воды в ней нет, и берега не обвалились. И надо же такому случиться! Как раз в том месте, где посадки граничат с Итонскими землями, овцы проломили забор. А овцы, как вам известно, милорд, будут похуже оленей. Эти твари больше всего на свете любят обгрызать нежную поросль ясеня. И они уничтожили почти все, прежде чем я сумел выгнать их. Ни я, ни Джон Лонгвуд не понимаем, как овцы умудрились пробраться в такую маленькую брешь, но вы же знаете: если суягной овце в голову втемяшится что-то, ее не остановишь, а товарки пойдут за ней. Похоже, на мой лес кто-то напустил порчу.

– Скорее всего, дело в обыкновенном человеческом небрежении, – строго изрек длинноносый приор Роберт. – Либо твоим, либо твоих соседей.

– Отец приор, за много лет моего пребывания на службе у аббатства еще не было случая, чтобы моя работа вызвала нарекания, – раздраженно отрезал Эйلمунд со всей прямоотой человека, знающего себе цену и уверенного, что цена эта известна аббату, перед которым он, собственно, и должен был держать ответ. – Я обхожу посадки каждый день, и по ночам тоже, но не могу заставить дождь прекратиться и не могу быть повсюду одновременно. Столько бед сразу – такого со мной еще не бывало! И я не могу вменить это в вину Джону Лонгвуду. Он всегда был добрым соседом, о таком приходится только мечтать.

– Это чистая правда, – твердо молвил аббат Радульфус. – У нас есть все основания быть благодарными ему за добрую волю и нет причин сомневаться в ней. И я ни в коем случае не подвергаю сомнению твои достоинства лесничего и твое усердие. В этом не было нужды прежде, и я не усматриваю необходимости ныне. Превратности судьбы посылаются нам затем, чтобы мы преодолевали их, и никто не должен надеяться, что ему удастся избежать испытаний. Ущерб восполним, и ты, Эйلمунд, приложи к тому все свои силы. А если увидишь, что сам не справляешься, проси помощи, и она будет тебе предоставлена.

Эйلمунд, который отлично знал свое дело и всегда гордился тем, что находится на своем месте, коротко поблагодарил аббата, но от помощи пока отказался, пообещав известить, если случится что-либо еще из ряда вон выходящее. Быстрым шагом, столь же стремительно, как и пришел, он отправился обратно в лес, в свою сторожку, где жил с дочерью, и унес с собой недовольство судьбой, поскольку был не в состоянии назвать иной источник своих несчастий.

Таинственным образом юный Ричард прознал, по какому необычному поводу явился в аббатство Эйлмунд. Мальчик был также осведомлен о том, что поделывала его бабушка и все те люди, что жили и работали в окрестностях Итона. Все новости он впитывал как губка. Как бы ни был мудр и бдителен его опекун, аббат Радульфус, и какую бы рачительность ни обнаруживал его управляющий, Джон Лонгвуд, Ричард полагал необходимым приглядывать за своими владениями и самостоятельно. И раз уж у самых границ Итона случилась беда, он желал знать ее источник и куда более, нежели аббат, склонялся к тому, чтобы приписать несчастья, хоть и непонятно как произошедшие, порочности и злему умыслу людей, поскольку и самому ему не раз приходилось держать незаслуженно строгий ответ в тех случаях, когда он был почти не виноват.

И если итонские овцы забрались в ясеневые посадки в Эйтоне не по воле Божьего Промысла, но вследствие того, что некто умышленно открыл им путь и направил их к месту желанного для них пиршества, то Ричард желал знать, кто именно это сделал и зачем. В конце концов, это были его собственные овцы!

Поэтому в часы собрания капитула мальчик внимательно приглядывался ко всем входящим и выходящим и был немало удивлен, когда два дня спустя после прихода Эйлмунда заметил у ворот монастыря юношу, уже виденного им однажды. Тот очень вежливо просил разрешения пройти в зал капитула и передать послание своего хозяина, отшельника Кутреда. Прибыл он рановато и должен был ждать, что и принял со смирением. Это было на руку Ричарду, поскольку прогуливать уроки он не мог, а вот когда собрание закончится и Ричард будет свободен, ему наверняка удастся подстеречь этого малого и удовлетворить свое любопытство.

Всякому святому отшельнику, давшему обет затворничества, надлежало неотлучно находиться в своем скиту и на своем огороде, используя данный ему дар предвидения на благо своих соседей. Такому отшельнику давали в услужение юношу, который исполнял его поручения и передавал людям его предостережения и слова порицания. Ясно было, что этот парень находился в услужении у Кутреда уже давно, ведь он прибыл в Итон вместе с ним, покуда тот искал подходящее место для своего уединенного жительство, уготованного ему Господом Богом. Юноша вошел в зал капитула как-то слишком уверенно и без тени смущения пред удивленными и взыскующими взорами братьев монахов.

Со своего обычного места у стены Кадфаэль с любопытством разглядывал посланца. Трудно было себе представить более неподходящего слугу для отшельника и известного в округе святого, который по давней кельтской традиции не заботился о своей канонизации. Однако в эту минуту Кадфаэль затруднился бы четко определить, чем именно он не подходил для этой службы. Парню было лет двадцать, одет он был в домотканую рубаху, коричневые чулки, все заношенное и не особенно чистое. В общем, ничего примечательного. Он был недурно сложен, черты лица имел резкие, как у Хью Берингара, но пальца на четыре превосходил его ростом. Юноша был строен, гибок и грациозен, словно молодой олень; движения его длинных рук и ног отличало то же изящество, что свойственно этому благородному животному. Даже в его деланном спокойствии таилась угроза мгновенного броска, точно у хищника, сидящего в засаде. Бег его, наверное, был быстр и бесшумен, а прыжок длинен и высок, как у зайца. Лицо юноши сохраняло несколько настороженное и зловещее выражение. Густые, цвета красного дерева вьющиеся волосы, овальное лицо, высокий лоб, длинный прямой нос с несколько раздутыми ноздрями, что лишь усиливало сходство с диким зверем, который держит нос по ветру и чутко ловит малейшие запахи; рот его, казалось, был постоянно искривлен в полуулыбке, словно юноша втайне ото всех чему-то усмеялся; желтоватые глаза с чуть вздернутыми внешними уголками, темные брови с изломом. Его горящий взгляд был несколько притушен, но не до конца, и этого огня не могли скрыть длинные, как у женщины, ресницы. Зачем старому святоше понадобилось принимать себе в услужение такое нервное и прекрасное существо?

Как бы то ни было, выждав положенное время, дабы удовлетворить любопытные взоры присутствующих, юноша обратил свое искреннее, по-детски невинное лицо к аббату Радульфусу и весьма галантно и почтительно поклонился.

Он не начинал говорить, пока его не попросили, и медлил, словно ожидал вопросов.

– Ты пришел от эйтонского отшельника? – спросил аббат и мягко улыбнулся, внимательно изучая юношу.

– Да, милорд. Святой Кутред послал со мной известие. – Голос посланца был ровен и чист, даже несколько высоковат, и прозвучал под сводами словно колокольчик.

– Как тебя зовут? – спросил Радульфус.

– Гиацинт, милорд.

– Я знавал одного епископа с таким именем, – заметил аббат, улыбаясь краешком рта, понимая, сколь мало стоящий перед ним загорелый юноша имеет общего с епископом. – Тебя назвали в его честь?

– Нет, милорд. Я не слыхал о таком епископе. Но мне как-то рассказывали старую историю о юноше с таким именем, когда поспорили два бога и проигравший убил его. Говорят, из его пролившейся крови выросли цветы. Эту историю мне рассказал один священник, – скромно ответил посланец и, неожиданно улыбнувшись, окинул взором собравшихся, словно отлично понимал, какое беспокойство у монахов вызвало его появление в аббатстве. Однако Радульфуса ответ юноши нисколько не смутил.

«Что касается этой истории, – подумал Кадфаэль, с нескрываемым удовольствием взиравший на юношу, – то ты, парень,ходишь для нее куда больше, нежели для сана епископа, и сам это отлично знаешь. Да и в слуги отшельнику тоже не годишься. Вот только где он тебя откопал и каким калачом заманил к себе?»

– Могу ли я теперь изложить суть послания? – спросил юноша, бесхитростно глядя своими золотистыми глазами прямо в лицо аббата.

– Тебе, должно быть, пришлось выучить его на память, – произнес аббат с улыбкой.

– Да, милорд. Это послание только для вас.

– Надежный посланник! А теперь говори.

– Это не мои слова, я лишь голос своего хозяина, – сообщил юноша вместо вступления и тут же изменил голос, так что теперь он уже не был похож на звон колокольчика, причем юноша сделал это так искусно, что заставил Кадфаэля подивиться пуще прежнего. – От итонского управляющего и от лесничего с глубоким прискорбием я услышал, – мрачно произнес отшельник устами юноши, – о тех несчастьях, что внезапно обрушились на Эйтонский лес. Я усердно молился и много размышлял, и сильно опасаюсь того, что все это лишь

грозные предупреждения о грядущих, еще более тяжелых бедах, которых не избежать, если не восстановить нарушенного равновесия между добром и злом. Я не знаю за вами иного прегрешения, кроме того, что вы отказываете леди Дионисии Людел в ее праве забрать внука домой. Разумеется, тут должна быть учтена отцовская воля, но и любовь вдовы женщины к своему внуку нельзя сбрасывать со счетов, ведь леди Дионисия осталась совсем одна. Умоляю вас, милорд, во имя любви Господней, обдумайте еще раз, верно ли вы поступили, ибо я чувствую, что тень зла нависла над всеми нами.

Все это необыкновенный юноша произнес суровым, мрачным голосом, который несколько не был похож на его собственный. Надо признать, что этот ораторский прием оказал должное впечатление и вынудил кое-кого из суеверных молодых монахов испуганно оглядываться и перешептываться. Закончив речь, посланник вновь поднял на аббата свой невинный взгляд, словно суть послания несколько не касалась его самого.

Некоторое время аббат Радульфус сидел молча, устремив взор на юношу, а тот, явно довольный исполненной миссией, в свою очередь не сводил взгляд с аббата.

– Это слова твоего хозяина?

– Все до единого, милорд. Я заучил их в точности.

– Не поручал ли он тебе сказать еще что-нибудь от его имени? Не хочешь ли ты сам что-либо добавить к сказанному?

– Я, милорд? – Глаза юноши округлились от удивления. – Как я могу? Я лишь исполняю его поручения.

– Из милосердия отшельники часто дают приют и принимают в услужение какого-нибудь простачка, – презрительно шепнул приор Роберт на ухо аббату. – Таков, видимо, и этот юноша.

Говорил приор негромко, но недостаточно тихо, чтобы его слова не достигли ушей Гиацинта, которые тот наострил, словно лис. Юноша сверкнул очами и криво улыбнулся. Кадфаэль, от слуха которого тоже не ускользнули слова приора, имел основания сомневаться, что аббат согласится с ними. На взгляд

Кадфаэля, слишком уж хитроватым было это красивое, загорелое лицо, сколь бы ни помогало оно своему обладателю играть роль простачка.

– Тогда ты можешь возвращаться к своему хозяину, – сказал аббат. – И передай ему мою благодарность за его заботу о нас и за его молитвы, которые, я надеюсь, он непрестанно возносит за наши души. Скажи ему, что я обдумал и продолжаю обдумывать жалобу леди Дионисии и что я поступил и намерен поступать впредь так, как нахожу справедливым. Что же до стихийных бедствий, которые так взволновали его, то нам, простым смертным, не дано управлять силами природы, и лишь верою мы можем одолеть их. Нам остается лишь принять то, чего мы не в силах изменить. Ступай с Богом.

Не проронив более ни слова, юноша низко поклонился – вышло это у него довольно изящно – и неспешно покинул зал капитула. Шагал он легко, движения его напоминали кошачьи.

Выйдя на большой двор, который сейчас, когда все братья были на собрании капитула, оказался почти совсем пустым, юноша не стал торопиться в обратный путь к своему хозяину, но с любопытством осматривал все вокруг – от окруженных розовыми кустами покоев аббата до странноприимного дома и лазарета и далее по кругу все строения, вплоть до привратницкой и южной стены монастыря. Ричард, вот уже несколько минут дожидавшийся, пока посланец выйдет, сейчас незаметно выскользнул из-под арки южных ворот и направился юноше наперерез.

Поскольку намерения приближавшегося были Гиацинту совершенно очевидны, он услужливо остановился, с любопытством поглядывая сверху вниз на серьезное веснушчатое лицо мальчика, который в свою очередь жадным взором окинул его самого.

– Доброе утро, молодой господин! – вежливо приветствовал его Гиацинт. – Что вам угодно?

– Я знаю, кто ты такой, – сказал Ричард. – Ты слуга отшельника и пришел в Итон вместе с ним. Я слышал, ты принес от него какое-то послание. Не обо мне ли, часом?

– Сперва я хотел бы знать, – рассудительно заметил Гиацинт, – что за важную персону вижу перед собой и отчего это мой хозяин должен лично заниматься делами такого молокососа, как ты.

– Я тебе не молокосос! – возмутился Ричард. – Я Ричард Людел, лорд Итона. А твой хозяин-отшельник живет на моей земле. И ты прекрасно знаешь, кто я такой, поскольку я видел тебя среди прочих слуг на похоронах своего отца. И если ты принес какие-либо новости, касающиеся меня, то, полагаю, я имею право знать их. Иначе это будет нечестно.

Высоко подняв подбородок и широко расставив босые ноги, Ричард с вызовом устремил на Гиацинта взгляд сине-зеленых глаз.

Некоторое время Гиацинт смотрел на мальчика, раздумывая, а затем сказал серьезно, как мужчина мужчине, и без тени иронии:

– Верь мне, Ричард, я на твоей стороне. А теперь скажи, где мы можем спокойно поговорить с глазу на глаз?

Большой двор был и впрямь не самым подходящим местом для сколько-нибудь продолжительных секретных разговоров. Сразу сообразив, что незнакомец, без всякого сомнения, человек мирской, и найдя, что речи его изысканны и приятны, не то что разговорчики братьев монахов, Ричард вознамерился немедленно познакомиться с ним поближе, раз уж предоставилась такая возможность. Кроме того, собрание капитула вот-вот должно было закончиться, а в сложившихся обстоятельствах вряд ли имело смысл привлекать излишнее внимание приора Роберта или брата Жерома. Поэтому Ричард взял Гиацинта за руку и поспешно препроводил его к дальней калитке, откуда они прошли через весь монастырь прямо к мельнице. Там, на зеленом берегу пруда, их никто не потревожит, – позади только стена, под ногами мягкая травка, полдневное осеннее солнце все еще пригревает сквозь полупрозрачную дымку.

– Теперь говори, – выдохнул Ричард, беря быка за рога. – Мне так нужно, чтобы хоть кто-нибудь сказал правду. Сейчас многие занимаются решением моей судьбы и никак не могут договориться. И мне трудно самостоятельно позаботиться о себе и подготовиться к грядущим событиям, если никто не поможет мне проникнуть в их суть. Если ты на моей стороне, помоги разобраться. Поможешь?

Гиацинт прислонился спиной к монастырской стене, с удовольствием вытянул прямые, мускулистые ноги и прикрыл свои ясные глаза.

– Вот что я скажу тебе, Ричард. Я смогу тебе лучше помочь, если буду знать, что, собственно, происходит. Мне известен лишь конец этой истории, а ты знаешь ее начало. А вот если мы соединим ниточки и посмотрим, что получится?

– Согласен! – обрадовался Ричард. – Но расскажи мне сперва, что за послание ты принес от Кутреда.

Гиацинт пересказал мальчику послание отшельника слово в слово, точно так же, как и в зале капитула, но уже не изменяя голоса.

– Так я и знал! – воскликнул Ричард, в гневе ударив кулаком по дерну. – Я знал, что речь идет обо мне! Значит, бабушка даже святого отшельника использует в своих целях! А о событиях в лесничестве я слышал, но ведь такие беды приключаются сплошь и рядом, от них не убережешься. Ты предупреди своего хозяина, чтобы тот не особенно поддавался влиянию моей бабушки, даром что та предоставила ему жилье и прочее. Растволкуй ему как следует, что она себе на уме.

– Обязательно растолкую, – кивнул Гиацинт.

– А тебе никто не рассказывал, почему она хочет забрать меня домой? Даже твой отшельник?

– Видишь ли, парень, я у него на побегушках. Он не говорит мне о своих делах.

Похоже, слуга отшельника вовсе не торопился возвращаться к своему хозяину, он устроился поудобней у замшелой стены и скрестил стройные ноги. Ричард придвинулся вплотную к Гиацинту, и тому пришлось чуть отстраниться.

– Она хочет женить меня, чтобы заграбастать оба соседних манора, – тихо вымолвил Ричард. – А невеста, Хильтруда, совсем старая, ей по меньшей мере года двадцать два...

– Возраст уже почтенный, – мрачно согласился Гиацинт.

– Да будь она даже молода и хороша собой, не хочу я ее! Не надо мне никаких женщин! Не люблю я их! Какая от них вообще польза?

– В таком случае место для житья ты выбрал самое подходящее, – с иронией заметил Гиацинт, и в его золотистых глазах сверкнули веселые искорки. – Стань послушником, откажись от мирской суеты, и в монастыре ты будешь в полной безопасности.

– Нет, так я тоже не хочу. Слушай, я тебе все расскажу. – И Ричард поспешно, но во всех подробностях изложил все, что касалось грозившей ему женитьбы и замыслов бабушки расширить таким образом свои скромные владения. – Ну вот, ты все знаешь, а теперь раскрой мне глаза, скажи, к чему готовиться. Так хочется, чтобы кто-нибудь рассказал все без утайки и не видел во мне только малого ребенка.

– Хорошо, – согласился Гиацинт, улыбнувшись. – Я готов быть твоими глазами и ушами в Итоне, верным слугой вашей милости.

– Растолковал бы ты все своему Кутреду. Не нравится мне, что он плохо думает об аббате, ведь тот лишь исполняет волю моего отца. И еще ты не сказал мне своего имени! Должен же я как-то тебя называть.

– Меня зовут Гиацинт. Говорят, так звали одного епископа, но я не имею к нему никакого отношения. Твои тайны будут в большей безопасности у грешника, чем у святого. Поверь, я надежнее исповедника, не бойся меня.

Эти двое и сами не заметили, как быстро нашли они общий язык, и лишь урчание в животе напомнило Ричарду о наступлении обеденного времени и необходимости наконец расстаться.

Ричард бодро шагал рядом с новым другом. По дороге, что огибала монастырь, он дошел с ним до самого Форгейта, где они и расстались, потом мальчик еще некоторое время провожал взглядом удалявшуюся по тракту стройную фигуру Гиацинта, после чего повернулся и, приплясывая, направился обратно к калитке в монастырской стене.

Первые несколько миль обратного пути Гиацинт преодолел легким, широким шагом, хотя вовсе и не спешил, просто у него было хорошее настроение и он получал удовольствие от быстрой ходьбы и чувства легкости во всем теле. В Аттингеме он перешел по мосту через реку, миновал заливные луга, примыкавшие к речушке Терн, которая впадала в Северн, и от Роксетера свернул к югу в сторону Эйтона. Дойдя до опушки леса, он замедлил шаг, поскольку в пути было так хорошо и Гиацинту вовсе не хотелось возвращаться. Чтобы добраться до скита, где жил отшельник, нужно было пройти по монастырским землям, в лесные уголья которых вдавался узкий надел, принадлежавший Люделам. Весело насвистывая, Гиацинт двигался по тропе, что тянулась вдоль сточной канавы, которая шла как раз по северной границе лесничества Эйлмунда. Противоположный берег канавы, высокий и обрывистый, являлся как бы естественной преградой, защищавшей лесные посадки. Берег всегда был зелен и хорошо ухожен, нигде ни одной промоины, да и не было в канаве такого сильного течения, которое могло бы подмыть давным-давно устоявшиеся берега. И тем не менее это произошло. Темные пятна обнажившейся, недавно оползшей земли Гиацинт увидел еще на подходе. Присмотревшись, он в задумчивости прикусил губу, затем пожал плечами и усмехнулся.

– Чем хуже, тем лучше! – произнес он вполголоса и направился к тому месту, где берег был подмыт более всего.

Он не прошел и нескольких шагов, как вдруг услышал тихий вскрик. Казалось, звук исходил прямо из-под земли. Затем раздался шум ожесточенной борьбы и приглушенные проклятия. Мгновенно перейдя на бег, Гиацинт оказался на краю канавы, воды в ней было совсем мало, и была она грязной. Однако Гиацинт обратил внимание, что вода прибывает прямо на глазах. На другом берегу зиял свежий оползень. В этом месте росла старая ива, но, видимо, корни ее подмыло, она накренилась и рухнула поперек канавы. Ветки дерева тряслись, потому что кто-то отчаянно бился под ними, будучи наполовину уже в воде. В листве мелькнула рука, пытавшаяся отодвинуть дерево в сторону, человек тяжело стонал. И тут между ветвей Гиацинт увидел лицо Эйлмунда, перепачканное в грязи и искаженное гримасой боли.

– Держись! – крикнул Гиацинт. – Я сейчас спущусь!

Он полез в канаву, воды в ней было уже по пояс, подсел спиной под толстый сук и попытался приподнять дерево, чтобы дать возможность выбраться из-под него придавленному лесничему. Тяжело дыша и постанывая, Эйлмунд уперся в землю

руками, и ему удалось частично вылезти из-под дерева, которое придавило ноги. Однако при этом он сдавленно застонал, сжав зубы от боли.

– Ты же ранен! – крикнул Гиацинт и, еще раз подсев спиной под сук и ухватив обеими руками лесничего за подмышки, попробовал перевернуть дерево. – Ну! Наддали!

Эйлмунд поднатужился еще раз, Гиацинт надавил вместе с ним. По склону на них повалились комья грязи, но дерево наконец подалось и с громким всплеском перевернулось. Лесничий остался лежать, он тяжело дышал, ноги его были наполовину в воде. Гиацинт, с ног до головы в грязи и тине, встал подле него на колени.

– Придется идти за помощью, – сказал он. – Одному мне тебя не вытащить. А ты погоди вставать на ноги, полежи тут, пока я не приведу людей Джона Лонгвуда, что работают в поле. Придется звать нескольких человек, да с какими-нибудь носилками или жердями, чтобы нести тебя. Или, может, с тобой что-нибудь похуже стряслось, я не вижу только что?

Впрочем, и того, что Гиацинт видел, было вполне достаточно; его загорелое, перепачканное лицо стало встревоженным и озабоченным.

– Я сломал ногу, – проговорил Эйлмунд и, тяжело вздохнув, осторожно откинулся на спину. – Мне еще сильно повезло, что ты проходил этой дорогой. Меня прижало намертво, а вода опять стала подниматься. Я тут работал, пытался укрепить берег. А в твоих руках, парень, как я посмотрю, куда больше силы, чем кажется с первого взгляда, – вымолвил Эйлмунд и поморщился от боли.

– Ты можешь полежать тут некоторое время? – Гиацинт с опаской поглядел на высокий берег, но оттуда скатывались лишь небольшие комья грязи да свешивались обнажившиеся корни деревьев и трава. Ничего опасного вроде бы не было. – Я сбегая, это недолго!

И Гиацинт припустил бегом прямо на итонские поля. Он окликнул первого же встреченного им работника. Помощь не заставила себя долго ждать. Люди пришли с жердями, выломанными из загородки от овец. На этих-то жердях Эйлмунда осторожно, даром что тот чертыхался сквозь зубы, понесли в его сторожку, находившуюся в полумиле отсюда. Зная, что лесничий живет вместе

со своей дочерью, Гиацинт побежал вперед – предупредить девушку и дать ей время приготовить ложе для покалеченного отца.

Сторожка Эйلمунда стояла на небольшой просеке в лесу, рядом был разбит огород. Подбежав поближе, Гиацинт обнаружил, что дверь распахнута, а из дома доносится нежное пение. Видимо, девушка напевала за работой. Сам не понимая отчего, Гиацинт, который так спешил добежать до сторожки, теперь замешкался и не торопился ни постучать у порога, ни войти в дом без стука. Покуда он пребывал в замешательстве, песня в доме смолкла, девушка вышла на крыльцо, желая посмотреть, чьи это легкие шаги только что прозвучали на покрытой гравием дорожке.

Ростом она была невысока, но, что называется, ладно скроена и крепко сшита, – прямой взгляд голубых глаз, румянец как маков цвет, аккуратно заплетенные в косы каштановые волосы, отливавшие на солнце, как полированная древесина дуба. Девушка взглянула на Гиацинта с искренним любопытством и дружелюбием. От ее взгляда тот на мгновение онемел, так что, несмотря на всю срочность его дела, первой заговорила девушка:

– Ищешь моего отца? Он ушел на делянку. Ты найдешь его у канавы, где обвалился берег. – Она не сводила глаз с Гиацинта, и было видно, что тот явно пришелся ей по нраву. – А ты, наверное, тот юноша, что пришел к леди Дионисии вместе с отшельником? Я видела, как ты работал у него на огороде.

Гиацинт пришел наконец в себя и с горечью вспомнил о цели своего прихода.

– Все так, госпожа. Меня зовут Гиацинт. Твой отец скоро появится, но, увы, я должен сообщить, что с ним случилось несчастье и, боюсь, какое-то время ему нельзя будет выходить из дому. Я поспешил вперед, чтобы предупредить тебя до того, как его принесут. О, не пугайся так! Он жив и скоро, наверное, поправится. У него сломана нога. Случился еще один оползень, и на Эйلمунда упало дерево. Но ты не беспокойся, он обязательно поправится.

По лицу девушки пробежала тень тревоги, она побледнела, но ничего не ответила. Осознав суть случившегося, девушка стряхнула с себя оцепенение и сразу принялась за работу: распахнула пошире все двери, чтобы люди могли пронести носилки, приготовила ложе для отца, а затем поставила на огонь горшок с водой. Не отрываясь от дела, девушка разговаривала с Гиацинтом

спокойно и рассудительно.

– Не впервые отец что-нибудь себе ломает. Но вот ногу – такого еще не было. Дерево, говоришь, упало, да? Наверное, та старая ива. Накренилась-то она давно, но поди знай, что она рухнет. Это ты нашел отца? И помог ему? – Голубые глаза девушки смотрели на Гиацинта по-доброму, она улыбалась.

– Поблизости оказались итонские работники, тоже чистившие сточную канаву. Они несут сейчас твоего отца.

Тем временем и впрямь принесли Эйلمунда, люди спешили как могли. Девушка с Гиацинтом вышли встречать их. Казалось, юноша хотел сказать ей что-то еще, что-то совсем другое, но, похоже, упустил время, поскольку та занялась своим отцом. Его внесли в дом, уложили, осторожно стащили с него мокрые башмаки и одежду – осторожно, однако без сдавленных проклятий и стонов все же не обошлось. Левая нога Эйلمунда была сломана ниже колена, но перелом был закрытый, кости не торчали наружу.

– Больше часа я лежал в канаве, – говорил Эйلمунд сквозь зубы. – И валялся бы там по сию пору, кабы не этот парень. Сам бы я ни за что не выбрался, придавило крепко, а позвать на помощь было некого. Бог свидетель, в этом парне такая силища, хоть с виду и не скажешь. Видели бы вы, как он отвалил это проклятое дерево!

Трудно поверить, но Гиацинта в эту минуту бросило в краску. Для его загорелого лица это казалось совершенно невозможным – и тем не менее юноша покраснел до ушей.

– Быть может, я могу сделать для тебя еще что-нибудь? – скромно спросил Гиацинт. – Я бы с радостью! Тебе надо хорошего костоправа. Я-то на это не гожусь, а вот если надобно сбегать за помощью – я готов. Это как раз по мне.

На минуту девушка отвернулась от отца и подняла свои большие ясные глаза на юношу.

– Что ж, если ты будешь так добр и позволишь нам увеличить свой долг перед тобой, то сообщи в аббатство, чтобы срочно пришел брат Кадфаэль.

– Конечно сообщу! – горячо согласился Гиацинт, словно человек, получивший самую желанную награду. Однако, едва девушка снова повернулась к отцу, Гиацинт, помедлив, потянул ее за рукав и быстро шепнул ей на ухо: – Я должен тебе кое-что сказать, но потом, с глазу на глаз, когда твоему отцу окажут помощь и ему полегчает.

И прежде чем та успела что-либо ответить – хотя по выражению лица Гиацинт понял, что девушка не отказывает ему, – он уже исчез за деревьями, бегом устремившись в долгий путь, обратно в Шрусбери.

Глава четвертая

В полдень в аббатство приехал Хью, чтобы повидать брата Кадфаэля и сообщить ему кое-какие новости из Оксфорда, первые со времени начала осады.

– Роберт Глостерский вновь в Англии, – доложил он. – Я получил эти сведения от одного из воинов, который сообразил вовремя убраться из города. Правда, таких счастливиц, кого успели предупредить, оказалось не так уж и много. Он говорит, что Роберт высадился в Уореме, причем выбил королевский гарнизон, не потеряв ни одного из своих кораблей. Сам город он занял, но замок пока еще держится, Роберт осаждает его. Разумеется, помощи от Жоффруа он так и не дождался, разве что горстку рыцарей.

– Ты говоришь, он благополучно высадился и занял город, – сказал Кадфаэль. – Но зачем ему осаждать замок? Я думал, он сразу двинется к Оксфорду, чтобы вызволить свою сестру из ловушки.

– Наверняка он хочет подразнить Стефана, заставить его снять осаду с Оксфорда, хочет выманить его войска на себя. Тот воин сказал мне, что королевский гарнизон в Уореме весьма слаб и уже ведутся переговоры о его сдаче, к королю послан гонец с известием, что если тот не придет на выручку к назначенному сроку, – а воин, хоть и знал многое, но точной даты назвать не мог, – то гарнизону придется сдаться. Это лишь на руку Роберту. Он-то знает, какой это дерзкий вызов Стефану. Однако я думаю, что на сей раз король устоит. Он не станет упускать такую возможность.

– Нет предела человеческой глупости, – заметил Кадфаэль со смирением. – Однако надо отдать королю должное. Все его промахи происходят от великодушия, чего никак не скажешь о его кузине. Я так надеялся, что осада Оксфорда положит всему конец. Ведь если король возьмет замок и пленит императрицу с ее присными, жизни Матильды ничего не будет угрожать, скорее, сам Стефан окажется в опасности. Какие еще новости с юга?

– Говорят, что в лесу, у дороги на Уоллингфорд, нашли оседланную лошадь без седока. Это случилось уже давно, еще в то время, когда были перекрыты все дороги в Оксфорд и город был подожжен. У той лошади седло было все в крови, а седельные сумки кто-то раскрыл и опустошил. Один слуга, которому удалось вырваться из кольца окружения, признал, что и лошадь, и упряжь принадлежат некоему Рено Буршьё, рыцарю из окружения императрицы, причем он был ее доверенным лицом. Мои люди толкуют, мол, та послала его из гарнизона на прорыв королевских кордонов с каким-то посланием в Уоллингфорд.

Кадфаэль, неторопливо обрабатывающий междугрядье, перестал тюкать своей мотыгой и повернулся к Хью Берингару:

– Ты хочешь сказать, она послала гонца к Бриану Фицкаунту?

Лорд Уоллингфорда был одним из самых стойких приверженцев императрицы и ближайшим соратником, за исключением разве что ее брата, графа Роберта. Его замок, по сути дела, являлся восточным форпостом владений императрицы, и Фицкаунт неизменно держал ее сторону, независимо от того, сопутствовала ей удача или нет.

– Как же вышло, что он теперь не в Оксфорде? – задал новый вопрос Кадфаэль. – Едва ли он мог переметнуться в другой стан.

– Все дело в том, что никто не ожидал от короля Стефана такой прыти. Он просто успел отрезать Уоллингфорд от Оксфорда. Однако Бриан нужен императрице как раз в своем Уоллингфорде. Ведь потеряй она этот замок, у нее останется лишь жалкий островок на западе. Это отрежет ее от Лондона. Видно, попав в отчаянное положение, она в самый последний миг успела послать гонца. Поговаривают, что Буршьё повез Бриану сокровища, причем не золото, а драгоценные камни. Очень может статься, что так оно и есть, поскольку тому нужно чем-то платить своим людям. Бескорыстная преданность, разумеется,

хороша, но людям надобно есть и пить, а сам Бриан давным-давно разорился на службе у императрицы.

– Ходят слухи, что этой осенью епископ Винчестерский пытался переманить Бриана на сторону короля, – хмуро заметил Кадфаэль. – Денег у епископа достаточно. Может любого купить с потрохами, но я сильно сомневаюсь, что Фицкаунта удалось бы подкупить, даже за большие деньги. Этот человек показал себя абсолютно неподкупным. Так что едва ли у императрицы была необходимость предлагать ему больше, чем давали враги.

– Конечно, но, когда королевские войска окружили ее, она вполне могла решиться на то, чтобы выслать Бриану изрядную часть причитающейся ему суммы, полагая, что прорваться еще можно по крайней мере хотя бы одному храброму воину. Как знать, может, она посчитала, что это вообще последняя возможность связаться с Брианом, и не захотела ее упускать.

Немного подумав, Кадфаэль согласился с выводами Хью. Какой бы жестокой ни была борьба за власть между королем Стефаном и императрицей, король никогда не покусился бы на жизнь кузины, но, захвати он ее в плен, ему пришлось бы во имя безопасности короны держать пленницу в заточении. И вряд ли стоит рассчитывать, что в темнице она откажется от своих притязаний и согласится принять свободу в обмен на свое смирение. Таким образом, Матильда могла потерять всякую связь со своими друзьями и союзниками и рисковала никогда больше их не увидеть.

– Стало быть, какой-нибудь храбрый воин и попытался прорваться, – рассудил Кадфаэль. – И в лесу нашли как раз его лошадь с перекошенной упряжью, с пятнами крови на седле и подседельнике и с пустыми седельными сумками. Но куда же подевался сам Рено Буршьё? Может, его ограбили, а тело зарыли где-нибудь в лесу или бросили в реку?

– Может, оно и так. Во всяком случае, тела пока не нашли. Под Оксфордом у людей короля нынче осенью есть и другие заботы помимо прочесывания леса в поисках покойника. После того как город был разграблен и сожжен, покойников им и так хватает, – сухо вымолвил Хью, который, казалось, скрепя сердце смирился с теми побоищами, что время от времени несла с собой непредсказуемая междоусобная война.

– Любопытно, многие ли в замке знали о миссии Рено Буршье? – задумчиво заметил Кадфаэль. – Вряд ли императрица раскрыла свои намерения, но наверняка кто-нибудь что-то пронюхал.

– Похоже, что так оно и было. Пронюхал и гнусно употребил свое знание. – Хью дернул плечом, словно сбрасывал с себя зло, которое свершилось далеко отсюда и не подлежало его юрисдикции. – Слава Богу, что я не шериф Оксфордшира! Наши-то беды помельче – так, семейные ссоры с рукоприкладством, мелкие кражи да браконьерство. Вот, правда, еще эта чертовщина, что происходит в Эйтонском лесу. – Кадфаэль уже успел рассказать Берингару то, о чем аббат даже не счел нужным упомянуть в беседе с шерифом: леди Дионисия, похоже, вовлекла отшельника в свою тяжбу, и тот как-то уж слишком серьезно подходит к ее попыткам выдать себя за несчастную бабушку, которую жестоко разлучили с ее возлюбленным внуком. – Ведь отшельник угрожал еще худшими напастями, не так ли? Интересно, какая беда будет следующей?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Створка раковины морского гребешка – атрибут св. Иакова, отличительный знак пилигрима, совершившего паломничество в испанский город Сантьяго-де-Компостела к усыпальнице святого. – Перев.

Купить: https://tellnovel.com/ru/piters_ellis/eytonskiy-otshel-nik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)